

И.А. Ильин о насилии и различных формах принудительного воздействия

Ф.Б. Гребенкин

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Вятского государственного университета, кандидат юридических наук. Адрес: 610000, Российская Федерация, Киров, ул. Московская, 36. E-mail: grebenkin-fb@yandex.ru

Л.К. Савюк

профессор кафедры уголовного права и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук

Аннотация

В статье отражены актуальность темы и история вопроса о возникновении и существовании насилия в обществе и его последствиях, так как насилие признается одной из острейших проблем человеческого общества и неизменно относится к числу наиболее опасных антиобщественных явлений, многообразие и масштабы которого трудно измерить и оценить. Поэтому в статье сделано обоснование обращения русского философа И.А. Ильина к проблеме насилия и проведен анализ его работ, посвященных причинам происхождения и понятию насилия, соотношению права и силы и иным формам принудительного воздействия: заставлению, понуждению, пресечению и принуждению и их отграничению, а также опровержению позиции Л.Н. Толстого и его сторонников о непротивлении злу насилием. К сожалению, научное наследие И.А. Ильина, труды и воззрения которого и по этим вопросам не потеряли значимости, актуальности и в современной России, в работах ученых-криминалистов, за редким исключением, фактически не используются. В статье отражены различные мнения философа, в качестве которых он рассматривал конкуренцию и внутренние побуждения, что соответствует современной теории уголовного права, а также сделан вывод о том, что И.А. Ильин выразил точку зрения, которая не во всех вопросах согласуется с мнением других ученых, разделив физическое понуждение, насилие и зло, и считая, что любое воздействие на человека, причиняющее ему вред, является злым насилием. Если же воздействие не противоправно, то насилием оно не является, а относится к иным формам принудительного воздействия. Также в статье отражена критика И.А. Ильиным толстовской теории непротивления, победы добра над злом, в которых Ильин обосновывает неравнозначность понятий насилия и силы. Рамки данной статьи не позволяют в полном объеме прикоснуться к научно-мировоззренческим взглядам И.А. Ильина; авторы льстят себя надеждой, с учетом доброжелательной критики и пожеланий, возвратиться еще к неиссякаемому источнику знаний, идей, которым является научное исследование известного юриста и философа.

Ключевые слова

насилие, право и сила, принудительное воздействие, заставление, понуждение, пресечение, принуждение.

Библиографическое описание: Гребенкин Ф.Б., Савюк Л.К. И.А. Ильин о насилии и различных формах принудительного воздействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 30–47.

JEL: K00; УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.30.47

Постановка проблемы. Насилие, характеризующееся «повышенной, чрезмерной деструктивностью и необратимыми последствиями»¹, признается одной из острейших проблем человеческого общества и относится к числу наиболее опасных антиобщественных явлений, многообразие и масштабы которых трудно измерить и оценить. По официальным данным, в мире нет ни одной страны, ни одного города, ни одного квартала, которые были бы защищены от насилия. В 2000 г. 1,6 млн. человек в мире погибли в результате покушений на их жизнь и здоровье, а также в результате межличностных и коллективных форм насилия, что составляет 28,8 случаев на 100 тыс. человек. Большинство смертных случаев произошло в странах с низким и средним уровнем дохода. Около половины из 1,6 млн. смертей — самоубийства, почти треть — убийства и пятая часть связана с войнами, и это имеет долгосрочные последствия². Весьма убедительным был в этом отношении во введении к своему известному труду профессор С.Н. Таганцев: «... с вредоносным посягательством на интересы ближних встречаемся мы на первых же страницах священных преданий веры, и о тех же проявлениях зла и пороках говорит нам ежедневная хроника текущей жизни. *Оканчиваются кровавые войны, замиряются народы, но нет конца борьбе человечества с этим мелким, но непобедимым врагом и не предвидится то время, когда карающая государственная власть перекует свои мечи на плуги и успокоится в мире*»³.

В 2012 г. около 475 тыс. человек были убиты. Почти 60% из них — юноши и мужчины в возрасте от 15 до 44 лет. В странах с низким и средним уровнем доходов самые высокие показатели насильственной смерти наблюдаются в американском регионе (28,5 убийств на 100 тыс. человек), за ним следует африканский регион (10,9 убийств на 100 тыс. человек). В период с 2000 г. по 2012 г. в глобальном масштабе статистика убийств снизилась примерно на 16% (с 8 до 6,7 на 100 тыс. человек), а в странах с высоким уровнем доходов — на 39% (с 6,2 до 3,8 на 100 тыс. человек). В странах с низким и средним уровнем доходов за тот же период снижение было менее выраженным⁴.

За 1956–2002 гг. на территории бывшего СССР только от зарегистрированных умышленных убийств погибли 1 077 645 человек, что в среднем составляло 23 427 убийств

¹ См.: Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001; Он же. Преступная жестокость. М., 1994.

² Подробнее см.: Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Э. Круга и др. М., 2003. 376 с. Понятие «насилие» в докладе ВОЗ определяется с точки зрения вреда, наносимого здоровью человека, как «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб». [Электронный ресурс]: URL: // http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf (дата обращения: 16.10.2016)

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 4.

⁴ Подробнее см.: Доклад о положении дел в мире в сфере профилактики насилия за 2014 год. [Электронный ресурс]: // http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/145087/2/WHO_NMH_NVI_14.2_rus.pdf?ua=1&ua=1 В настоящем докладе содержатся данные по 133 странам, в которых живет 6,1 млрд. человек, что составляет 88% населения Земли.

ежегодно⁵. В 2014 г. в результате преступных посягательств в Российской Федерации погибло 35 тыс. человек (- 4,6% АППГ)⁶, здоровью 52,6 тыс. человек причинен тяжкий вред (-0,4% АППГ); за 11 месяцев 2015 г. в результате преступных посягательств погибло 30,3 тыс. человек, здоровью 44,5 тыс. человек причинен тяжкий вред⁷. В США ежегодно около 30 тыс. человек погибают в результате применения огнестрельного оружия — столько же, сколько погибает в ДТП. Часто жертвами становятся дети⁸.

Насилие рассматривается как «общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, в том числе представляющего угрозу жизни, подчиняют себе других — физически или психологически»⁹. Объяснение его сущности не исчерпывается биологическими (врожденной склонностью к насилию) или социальными свойствами (агрессивностью) человека. Природа последнего не определяется одним качеством или импульсом: это система, состоящая из многих элементов и включает как механизмы, ведущие к насилию (стремление к господству, жажда мести, идеология национализма, фашизма, нацизма, воинствующих религий), так и механизмы, ему препятствующие (свойственные человеку самоконтроль, соперничество и сочувствие, нравственное чувство и, пожалуй, самое главное — способность человека мыслить, генерировать идеи, препятствующие насилию)¹⁰.

Насилие как предмет исследования ввиду многообразия количественных и качественных характеристик, учитываемых при его ценностной квалификации¹¹, фундировано сочетанием философских, антропологических, политологических, этико-культурологических, психологических, юридических и других подходов к его рассмотрению. Актуализируются радикальные взгляды на природу человека как на исключительно благую или дурную, а ситуации, связанные с насильственными способами поведения, рассматриваются как совмещающие в себе две перспективы. С одной стороны, желание человека за счет силы утвердить свою волю и его готовность к альтруизму и социальной интеграции как деятельного включения индивида в социальную жизнь общества, с другой — процесс активного усвоения индивидом общественных норм и ценностей. В последнем случае одним из важнейших элементов в социальной интеграции личности выступает право как совокупность мер свободы и ограничения, которая через закрепленные определенным образом нормы поведения является основой самовоспроизводства общественных связей, а, значит, и самого общества¹².

⁵ См.: Лунеев В.В. Преступность / Большая Российская Энциклопедия. М., 2014. Т. 27. С. 446.

⁶ АППГ — аналогичный период предыдущего года.

⁷ См.: [Электронный ресурс]: // URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 16.10.2016)

⁸ Обама заплакал во время выступления. [Электронный ресурс]: // URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201601060051-zrj4.htm (дата обращения: 06.01.2016)

⁹ См.: Гусейнов А.А. Насилие / Большая Российская Энциклопедия. Т. 27. С. 104–105; Он же. Великие моралисты. М., 1995; Он же. Идея абсолютного в морали. М., 2004. Синонимами термина «насилие» являются: беззаконие, выкручивание рук, давление, диктат, изнасилование, изнаевага, кулачное право, нажим, насилие, насильство, нуда, палка, понука, принуждение, притеснение, произвол, пытка, разбой, расправа, репрессия, самовластие, самоволие, сила, террор, тирания. [Электронный ресурс]: // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/112538/Насилие> (дата обращения: 01.11.2016)

¹⁰ Подробнее см.: Мир, любовь и свобода: как жить без войн / под ред. Т. Пальмера. М., 2015.

¹¹ Уместно отметить: по состоянию на 15.01.2016 в Уголовном кодексе Российской Федерации слово «насилие» используется 71 раз, «принуждение» — 19 раз.

¹² Табылгинова Л.А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4. [Электрон-

Нельзя сказать, что заявленная тема обделена вниманием отечественных исследователей, в том числе правоведов — ученых и практиков. Напротив, юристов, пишущих сегодня об указанных феноменах, предостаточно. Однако научное наследие И.А. Ильина¹³, труды и воззрения которого по этим вопросам не потеряли значимости, актуальности¹⁴ и в современной России, в известных нам работах ученых-криминалистов, за редким исключением, фактически не используются¹⁵. Чаще, если и упоминаются, то лишь вскользь либо только его краткие, выразительные по форме и глубокие по содержанию максимы, прилагаются в качестве эпиграфа¹⁶, отражающего основную идею, замысел научного исследования, например: «Нелеп и опасен такой порядок жизни ... когда смысл права выражается слишком сложно, запутанно и непонятно»¹⁷. В советский период это объяснялось идеологическими догмами, библиографической редкостью работ ученого. Ныне труды И.А. Ильина доступны в исчерпывающем объеме¹⁸, но они по-прежнему остаются не замеченными криминалистами в должной степени.

ный ресурс]: // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-nauchnye-podhody-k-ponyatiyu-sotsialnaya-integratsiya>; Селиванова Ю.В., Зайцев Д.В. Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия // Известия Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 2.

¹³ Иван Александрович Ильин (1883, Москва — 1954, Цолликон близ Цюриха), русский религиозный философ, правовед, общественный деятель; доктор государственных наук, профессор (1918). Родился в дворянской семье губернского секретаря, присяжного поверенного А.И. Ильина и Е.Ю. Ильиной (урожд. Швейкерт). Дед Ильина участвовал в строительстве Большого Кремлевского дворца, впоследствии был его зрителем и комендантом. Крестным отца Ильина был император Александр II. Противник большевизма, в статье «Ушедшим победителям», посвященной юнкерам, павшим в боях с большевиками в октябре — ноябре 1917 г., Ильин выразил уверенность в исторической гибели последних; неоднократно арестовывался, 4.09.1922 обвинен в антисоветской деятельности, приговорен к пожизненной ссылке за границу. Вместе с женой (Н.Н. Вокач, 1882–1963) отбыл в Германию в составе большой группы русских ученых, философов и литераторов на «философском пароходе». До 1938 г. жил в Берлине; преследуемый нацистами, переехал в Швейцарию. События наложили значительный отпечаток на его социально-философские размышления, придав им силу жизненного опыта. Активно участвовал в антисоветской деятельности русской эмиграции. Идеолог Белого движения, был тесно связан с Русским общевоинским союзом; впоследствии категорически отрицал принадлежность к какой-либо политической партии. Издавал «Русский колокол. Журнал волевой идеи» (1927–30 гг.). См.: Документы ВЧК–ГПУ–НКВД / Ильин И.А. Собр. соч. Дневник, Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 373–439; Православная энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 344–358; БРЭ. Т. 11. М., 2008. С. 115–117.

¹⁴ В период, предшествовавший магистерским экзаменам (1906–1909), Ильин написал ряд работ, в которых отчетливо выявился его интерес к метафизическим и религиозным вопросам, в частности: «Идея общей воли у Ж.-Ж. Руссо», «Метафизические основы учения Аристотеля о *Doulos Fysei*» («рабство от природы»), «Проблема метода в современной юриспруденции» и др. С 1910 г., после утверждения в звании приват-доцента по кафедре энциклопедии права и истории философии права, читал лекции в Московском университете, напечатал первую крупную научную работу «Понятие права и силы: Опыт методологического анализа / Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 5–44.

¹⁵ См., напр.: Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право. 2014. № 5. С. 13–15; Бриллиантов А. Насилие и угроза применения насилия при совершении изнасилования // Уголовное право. 2014. № 5. С. 35–38; Гертель Е.В. Соотношение понятий «насилие» и «принуждение» // Российский следователь. 2010. № 17. С. 19–20; Голубов И.И. Виды насилия в преступлениях против правосудия: классификация, понятие и квалификация // Российский следователь. 2012. № 24. С. 36–39; Он же. Юридическая оценка применения насилия при совершении преступлений против правосудия // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 35–38 и др.

¹⁶ См., напр.: Зажицкий В.И. Встречи оперативного сотрудника с подозреваемым: какими они должны быть? // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 34–38.

¹⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

¹⁸ См., напр.: Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993–1999; он же. Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999; он же. Переписка двух Иванов. М., 2000. 3 т; он же. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии

Предметнее к его работам обращаются философы¹⁹, аналитики государственно-правовых дисциплин, политики, полагающие, что богатое теоретико-правовое наследие И. Ильина «начинает входить в систему фундаментальной источниковедческой базы развития современного правоведения, формирования качественной правовой культуры юридического сообщества»²⁰.

В современной монографической, справочной, учебной литературе, в публикациях философов, правоведов (в том числе криминалистов, криминологов), социологов, других специалистов в области социально-гуманитарных знаний обнаруживается полифония мнений о «насилии», его определении и различных формах проявления — заставления, понуждения, принуждения, пресечения. При этом, как отмечает создатель культурно-исторической теории происхождения высших психических функций психолог Л.С. Выготский, методологически очевидно, что «не все равно, как называть явления, и педантизм там, где за ним стоит исследование или философия, имеет свой резон: он понимает, что ошибка в слове есть ошибка в понимании»²¹.

В русском литературном языке слово «понимание» толкуется как: «1. Способность понять, постичь смысл, значение, сущность, содержание чего-л. ... 2. Та или иная точка зрения на что-л., то или иное толкование, объяснение чего-л.»²². Семантически определение указанного слова выделяет *понимание–значение* (уяснить смысл чего-либо) и *понимание–истолкование* (т.е. интерпретация и оценка), рассматриваемые как универсальная способность человека, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся представлений²³.

(1906–1954). М., 2001; *он же*. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: [В 2 т.]. М., 2002. Т.1: Учение о Боге; Т. 2: он же. Учение о человеке; Аксиомы религиозного опыта: Исследование. М., 2002; *он же*. Гитлер и Сталин: Публицистика. 1939–1945 гг. М., 2004; *он же*. Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 гг. М., 2006; Русский колокол. Журнал волевой идеи. М., 2009 и др. работы (многие из них есть в Интернете). В 2006 г. основной комплекс архивных материалов и библиотеки Ильина (рукописи, письма, фотографии, книги — 100 коробок) из Мичиганского университета возвращен в Россию. В 2008 г. 360 книг из собрания Ильина переданы в библиотеку МГУ им. М.В. Ломоносова. 3 октября 2005 г. прах Ильина и его жены перезахоронен в некрополе Донского монастыря одновременно с прахом генерала А.И. Деникина.

¹⁹ Философы считают, что Ильин «разработал оригинальную онтологическую и гносеологическую концепции, а также выдвинул ряд актуальных и интересных идей о природе, сущности и перспективах тоталитаризма». Подробнее см.: Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 417–418. Однако значительная часть его социально-философских и социологических соображений о будущем переустройстве тоталитарных обществ имела характер либерального утопизма религиозного толка: «Нужна новая идея — религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея и может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин предназначает идеей русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад, она обязывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности. См.: [Электронный ресурс]: // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history (дата обращения: 04.12.2016)

²⁰ Кузьмина А.В. Категория «интерес» в правовых воззрениях И.А. Ильина // История государства и права. 2011. № 9. С. 38–42; см. также: Костин Ю.В. Идеи соотношения государства, права и морали в политико-правовом учении И.А. Ильина // История государства и права. 2007. № 18. С. 35; Тимофеев М.С. Идеи И.А. Ильина о сильном государстве // История государства и права. 2013. № 22. С. 28–31; и др.

²¹ См.: Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование / Собр. соч. Т. I. М., 1982. С. 361; Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. М., 1989.

²² См.: Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. М., 1999. С. 289.

²³ В классической философии усилиями Локка («Опыт о человеческом разумении» (1690), рус. пер. — 1898, 1985) пониманием называлась способность познания в целом. Он изложил систему эмпи-

Как термин гносеологии и философии науки, понимание противопоставляется объяснению в контексте различия наук о природе и наук о культуре. С позиции психологии и социологии, философской и юридической герменевтики, коль скоро события и факты общественной жизни субъективно значимы для участников социальных взаимодействий, их поведение, очевидно, может быть «понято». Наверное, к такому поведению (в нашем случае — насилию и иным формам принудительного воздействия) резонен не риторический вопрос: «зачем?». Ответ очевиден: задачей ученого становится адекватное разъяснение смысла, целей, намерений и ценностей, воплощаемых в человеческих поступках, выявление на основе «рационального» понимания социальных связей между ситуацией, мотивами и причинами действий личностей.

В философии понимание — процедура постижения или порождения смысла. Оно не вписывается в субъект–объектную познавательную схему, так как непознание порождает потребность в понимании, а, наоборот, потребность в понимании ведет к познанию. Благодаря неокантианству заложено ставшее теперь традиционным истолкование понимания как эвристической познавательной процедуры, дающей в целом приращение знания²⁴, перевод которого в статус знания научного нуждается в дополнительных процедурах–верификации как процесса установления истинности научных утверждений, многопланового взаимоотношения между конкурирующими теориями и результатами их опытных проверок²⁵.

Что касается правопонимания, правотворчества и правореализации, то его методологические основы успешно разрабатывались отечественной юриспруденцией еще в позапрошлом веке. Уже тогда право рассматривалось как сложное общественное явление, а потому познание его различных сторон фундировалось разнообразием философских подходов, а также специальных научных приемов, методов и принципов. В связи с этим при исследовании насилия как уголовно-правовой проблемы уместно напомнить установление И. Ильина, что «способов изучения права много; каждый из них в отдельности ценен, необходим и незаменим. Вера в спасительный методологический монизм падает и уступает место принципиальному признанию методологического плюрализма»²⁶. «Неверный термин, полагал Ильин, раздваивает душу и заслоняет ей очевидность», которую он считал источником мудрости²⁷. Признание значения терминов важно по

рической философии, одной из главных задач которой было доказать неосновательность допущения в познании умозрительных предпосылок и вместе с тем невозможность метафизики, занимающейся трансцендентными проблемами; знание проистекает из опыта. По Локку не существует врожденных идей и принципов — ни теоретических, ни практических, включая идею Бога. Познание истинно, если идеи и их соединения или обозначающие их знаки сообразны обозначаемым ими объектам. Он выразил взгляд на свободу совести как на неотъемлемое право каждого человека; она отвечает и интересам истинной Церкви, которая не может руководствоваться насилием. См.: *Локк Д.* Соч.: В 3 т. М., 1985–1988; *Заиченко Г.А.* Дж. Локк. М., 1988.

²⁴ Неокантианство — философское течение второй половины XIX — первой трети XX вв., возникшее и утвердившееся в Германии в процессе переосмысления учения И. Канта. Самыми значительными достижениями баденской школы неокантианцев можно считать созданное В. Виндельбантом (1848–1915) и Г. Риккертом (1863–1936)) учение о ценностях, их работы об образовании понятий в науках о природе и науках о духе. См.: *Белов В.Н.* Неокантианство. Саратов, 2002; *Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры* / под ред. С.Я. Левит. М., 2010.

²⁵ Подробнее см.: *Понимание / Новейший философский словарь.* С. 767–769.

²⁶ *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 8.

²⁷ *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою / *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2006. С. 378, 399. Далее по тексту ссылки на эту работу даются без библиографического описания

сути. Они дают возможность описывать индивидуальные предметы, явления, слов и выраженных с их помощью в системе воззрений ученого понятий.

Термины играют определяющую роль и в стабильности права (закона)²⁸, которой, как известно, свойственна формальная определенность правовых норм. Именно при таких условиях формализованные законодательные установления оправдывают социальные ожидания личностей, свидетельствуют об их пригодности; последние вправе рассчитывать на последствия своих действий, вытекающих из указанных установлений. Здесь уместно напомнить крылатое латинское выражение *scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim ac (et) potestatem* (знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их смысл); добавим, и тонкую оценку житейских условий, к которым уголовный закон применяется. Стоит вспомнить Макбета у Шекспира, Фиеско у Шиллера, Раскольникова у Достоевского; «в преступном событии, как правильно считал известный криминалист, могут быть изучаемы любопытнейшие психические моменты человеческой жизни — борьба страстей, столкновение характеров»²⁹.

Идея максимально точного фиксирования грани между преступным и непроступным поведением, формулирования уголовно-правовых запретов с предельной определенностью, имеет не только важное юридическое, но и большое социальное значение³⁰. Она же (идея) фундирует устремление в известных (разумных) пределах формализовать (сузить) на основе максимальной определенности указанных запретов судебное усмотрение.

Очевидно, в современных условиях принципиальное значение для оздоровления общества и экономического развития страны имеет прогресс в реализации верховенства права. Главным препятствием на этом пути является смешение права и законодательства, избыточность последнего как воли государства или некоторых групп лиц, силой навязываемой остальной части общества, ограничение полномочий государства, в том числе с помощью демократического механизма, запрещает ему использовать в отношении граждан больше насилия, чем необходимо для предотвращения преступлений³¹.

В этом контексте важно понять Ильина, уяснить смысл и значение, его отношение к данным феноменам, осмыслить аргументы по поводу и их общефилософского содержания, и их правовой сущности. Актуально и осознание позиции ученого о соотношении рассматриваемых понятий с другими понятиями, отражающими социально-гуманитарные, в том числе и правовые реалии, о релевантном использовании специфических свойств предикативной в данном ряду понятий дефиниции «насилие» как крайнего выражения зла в законотворческой и правоприменительной практике. Примечательно то, что на этой основе в социальной сфере возможен переход к альтернативному поведению — ненасилию — акту весьма своевременного морального выбора, содействующего консолидации личностей, пониманию между культурными, этническими, конфессио-

²⁸ Доказательства значения терминов в уголовном законе см.: *Бойко А.И.* Язык уголовного закона и его понимание. Ростов н/Дону, 2009; *Пычева О.В.* Герменевтика уголовного закона. Ульяновск, 2005.

²⁹ *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 5.

³⁰ Не нами сказано, что «...от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков. Это различие терминологии является далеко не безразличным, ибо оно решает тысячи человеческих судеб и определяет нравственную физиономию общества». *Маркс К.* Население, преступность и пауперизм / *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 516. Подробнее см.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келин. М., 1987. С. 9–12.

³¹ Подробнее см.: Верховенство права как фактор экономики / под ред. Е.В. Новиковой и др. М., 2017; Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. М., 2009; *Ленин Б.* Свобода и закон. М., 2008.

нальными общностями, способствующего толерантности и готовности к разрешению конфликтов, кажущихся неразрешимыми. Ненасилие — этический принцип, согласно которому границы нравственности (морали) совпадают с отрицанием насилия. В отечественной литературе и общественно-политической лексике этот термин закрепился с конца 1990-х гг., чему способствовали как академические исследования философии и этики ненасилия, так и гражданские инициативы, призванные адаптировать к российским условиям опыт ненасильственных акций³².

История вопроса и его содержание. С момента появления насилия, а оно, как отмечалось, во все времена было спутником человечества, не только переполненного организованным насилием — войнами, но и преступностью³³, существуют и различные системы — религиозные, философские, юридические и социальные, призванные предотвратить или ограничить его. В мире христианской культуры проблемы этики ненасилия и противоположной позиции — активного преодоления зла — являются всегда острыми. В творчестве русских мыслителей XX века сама жизнь сделала эти проблемы первостепенно важными. Итоговое, самое полное исследование теории, а отчасти и практики непротivления злу насилием, несовместимости государства и христианства дано в книге Л. Толстого «Царство Божие внутри вас» (1890–1893)³⁴.

И.А. Ильин неоднократно обращался к исследованию насилия как философской категории. Это было обусловлено рассмотрением им таких проблем как возникновение насилия, соотношение силы и права и опровержение позиции Л. Толстого и его сторонников о непротivлении злу насилием. Л. Толстой считал, что в основе всех великих

³² Обобщающее сочинение разрабатываемой концепции этики ненасилия см.: Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995; Он же. Идея абсолютного в морали. М., 2004 и др. В постсоветской историографии и политической теории распространен образ революционных событий 1905 г. как процесса по преимуществу ненасильственного сопротивления. См.: Опыт ненасилия в XX столетии / Ненасильственная компонента революции 1905 года. [Электронный ресурс]: // URL: _03.htm (дата обращения: 05.01.2017)

³³ Переполненность истории примерами насилия, грабежа, вторжений, междоусобиц и т.д. заставила многих мыслителей утверждать, что насилие лежит в основе частной собственности и поэтому ее следует рассматривать как нечто несправимо противозаконное — и в наше время, и в древние эпохи. В связи с этим в определенном смысле логичен марксистский постулат: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция». Маркс К. Капитал / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 761. В унисон и теория происхождения государства и права (теория насилия), утверждающая, что главная причина их возникновения — завоевание, насилие, порабощение одних племен другими (Е. Дюринг, Л. Гумплович, К. Каутский). В энциклопедической литературе насилие определялось как «применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении др. классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий». См.: Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. [Электронный ресурс]: // URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1702.htm>. Еще категоричнее это выражалось в предыдущем издании: «Насилие играет значительную роль в ходе исторического развития. Не только в эпохи революций и переворотов, когда с помощью насилия — вооруженного восстания — один класс устраняет от власти другой, но и в т.н. нормальное время в обществе действует организованное насилие — политическая власть, государство, которое является орудием подавления угнетенных классов господствующими. ... По мере того как диктатура пролетариата будет разрешать свои задачи, которые заключаются, с одной стороны, во все усиливающемся социалистическом строительстве, а с другой — во все усиливающемся выкорчевывании капиталистических корней, государство отмирает, отмирает последняя форма организованного насилия. Завершение этого процесса упирается в коммунистическое общество, не знающее ни классов, ни эксплуатации, ни государства, ни, следовательно, организованного насилия». См.: Малая Советская энциклопедия. М., 1930. Т. 596, 597.

³⁴ См.: Толстой Л.Н. Царство Божие внутри Вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание / Полн. собр. соч. Т. 28. М., 1955.

религиозных и философских жизнеучений лежит закон любви и что он приобретает действенность в качестве непротivления злу. «Любовь же, истинная любовь, составляющая сущность души человека, та любовь, которая открыта учением Христа, исключает возможность мысли о каком бы то ни было насилии»³⁵.

Острую полемику вызвало сочинение Ильина «О сопротивлении злу силой», написанное им в эмиграции и изданное в Берлине (1925). Оно содержит критику, казалось бы, против давно раскритикованного «сентиментально-идиллического» учения Л. Толстого «о непротivлении злу насилем» и толстовства. Но уже во введении, определяя собственные задачи как религиозно-метафизические и морально практические, автор расширил содержание книги, пользуясь другой формулой — «о сопротивлении злу силою и мечом», которое в современном мире приняло осязаемые формы, перестало скрываться и «открыто узаконило себя». Значительно большее внимание уделено религиозному и философскому обоснованию, оправданности физического насилия по отношению к человеку, совершающему зло³⁶ — пресечению «внешнего злодеяния» и возможным мерам воздействия на него («заставление», «принуждение», «насилие» — в условиях, когда исчерпаны все средства духовного воздействия и единственной альтернативой остается «потакающее бездействие»).

Выступление с решительной критикой толстовской теории непротivления, победы добра над злом для Ильина было вопросом его личного бытия или небытия. Он был убежден, что настоящее зло в лице коммунистического режима утвердилось на огромном пространстве России и стремится к большевизации компартий через Коминтерн (Третий интернационал), к расширению сферы влияния, формированию единого антиимпериалистического фронта, объединяющего национально-патриотические силы мира; толстовство как наиболее значительное заблуждение русской интеллигенции (согласиться с такой критикой полностью нельзя) стало одной из дорог, облегчившей шествие революции по России и приведшей ее к разорению и гибели.

Объективно (онтологически) Л. Толстой с его жестокой критикой государства и социальной несправедливости, официальной религии³⁷ был прав и когда писал, что «всякое насилие состоит в том, что одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других людей делать то, чего не хотят насилуемые», и когда писал об анонимности организованного легитимного насилия — «люди, совершая самые ужасные дела, не видят своей ответственности за них.... Одни потребовали, другие решили, третьи подтвердили, четвертые предложили, пятые доложили, шестые предписали, седьмые исполнили»³⁸. И никто не виноват³⁹.

³⁵ Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви / Там же. Т. 28.

³⁶ Сколько-нибудь глубокого религиозного и философского анализа проблемы зла книга не содержит: зло, находящееся в «духовно-душевном» мире человека, рассматривается Ильиным как «противодуховная вражда» в противоположность добру (как «одухотворенной любви, религиозно опредмеченной»). Тем не менее данная книга, содержащая только в подтексте политический смысл, связанный с событиями русской революции, вызвала многочисленные отклики и жаркие дискуссии в эмиграции. См.: Ильин И.А. Pro et contra. СПб., 2004.

³⁷ В письме к А.А. Толстой (своей двоюродной тетке, камер-фрейлине, жившей в Зимнем дворце), Л.Н. Толстой писал: «Я ведь в отношении православия — вашей веры, нахожусь не в положении заблуждающегося или отклоняющегося, я нахожусь в положении обличителя». См.: Петров Г.И. Отлучение Льва Толстого от церкви. М., 1978. С. 15.

³⁸ Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви / Полн. собр. соч. Т. 28. М., 1957. С. 190—191.

³⁹ Подробнее см.: Гусейнов А.А. Великие моралисты... С. 216—219.

В работе «О сопротивлении злу силою» и в других трудах Ильин выполнил подробный анализ не только понятия и признаков насилия, но и таких формах принудительного воздействия, как заставление, понуждение, принуждение и пресечение.

Правильнее было бы начать с точки зрения И. Ильина о причинах происхождения насилия. Этот вопрос он рассматривал исходя из конкуренции между личностями, каждая из которых стремится «при наименьшей затрате сил получить наибольшее удовлетворение, т.е. работать возможно меньше, а получать за это возможно больше»⁴⁰. Такая конкуренция заключалась в столкновении различных интересов в общей борьбе за существование. Под интересом им понималось «отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему необходимо или важно». Когда одерживает победу человек с таким интересом, И. Ильин называл это конкуренцией, за исключением ее по поводу всех доступных в равной степени благ, которых в равной мере хватит всем: воздуха на просторе, воды в реках, света в поле и т.д. «Но борьба возникает немедленно, как только воздуха (напр., в маленьких каморках), или воды (напр., в пустыне или при порче водопровода), или света оказывается ограниченное количество. Все, что обеспечивает или облегчает жизнь человека и чего в данный момент на всех не хватает — все это вызывает конкуренцию и обостряет борьбу за существование до такой степени, что люди становятся друг другу врагами»⁴¹.

Так объясняет происхождение насилия И. Ильин. Оно является одной из форм или одним из видов борьбы, в процессе которой применяются различные способы подавления воли конкурентов, в том числе путем насилия. Однако следует отметить, что данное утверждение Ильина о причинах происхождения насилия носит или односторонний, или настолько объемлющий характер, что понятиями «интерес» и «конкуренция» охватываются и другие причины применения насилия, которые могут носить политический, правовой, криминальный и бытовой характер. **С позиции уголовного права и интерес, и конкуренция являются мотивами применения насилия, а мотив — внутреннее побуждение лица — является признаком субъективной стороны состава преступления.**

О внутренних побуждениях человека как причины происхождения насилия Ильин писал в другой работе. Происхождение насилия он усматривал в «наличии душевной склонности человека к злу как результату его субъективной оценки, которую сравнивал с «разнузданием» зверя, с тяготением к расширению власти и полноте захвата. Таким образом, злая воля человека объясняется его внутренними побуждениями. Только они могут вызвать какие-либо его телодвижения, которые могут проявляться, например, в принуждающих и насильственных действиях»⁴².

Прежде всего Ильин сравнивает право и силу, отмечая, «что понятие силы, как бы оно ни определялось, лежит всегда в реальном ряду, имеет всегда онтологическое значение, тогда как понятие права может и не находиться в реальном ряду, может не иметь в числе своих предикатов признака бытия»⁴³. Логично заключить, что сила может применяться в каждом случае, а право может существовать в объективном мире, но при отсутствии необходимости может не применяться, т.е. когда отсутствует потребность в регулировании с помощью правовых норм общественных отношений.

⁴⁰ Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 66.

⁴¹ Там же. С. 74.

⁴² Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 395.

⁴³ Ильин И.А. Нравственная философия. Соч. в 2 т. Т. 1. Философия права. Понятие права и силы. М., 1993. С. 15–16.

Ильин отмечает различные взгляды на понятие силы: 1) с наивно-реалистической или, в частности, с обычной натуралистической точки зрения, 2) с точки зрения метафизической, 3) с точки зрения критической теории познания, 4) эти три различные точки зрения на «силу» могут еще, сливаясь и сплетаясь, образовывать новые, более сложные учения, сращивающие, например, оттенки эмпиристического с метафизическим (Ницше) или критический с метафизическим (Шопенгауэр) и т.д.

Резюмируя, Ильин назвал общий признак всем учениям о силе: это помещение ее в реальный ряд, полагая, что «под «силой» всегда понимается способность к реальному действию... составляет ли она самую сущность вещи, или только свойство ее, или играет роль рассудочной категории: с понятием силы всегда связывается представление о некоторой способности, или остающейся в чисто потенциальном состоянии, или уже осуществляющейся. Способность эта может носить далее характер физический или психический (истолковываемый с точки зрения метафизики или эмпирии) или проявляться в дальнейших подвидах этих видов, но она всегда мыслится как способность»⁴⁴.

Ильин возражает Гумпловичу⁴⁵, сблизившему право и силу исторически и генетически, утверждая, что право произошло из силы, так как считает, что «юридически наука государственного права занимается анализом не общественных отношений, а норм государственного права»⁴⁶. Он почему-то пишет о государственном праве как о науке, которая, естественно, не может быть силой, оказывающей принуждающее воздействие. Такое воздействие может оказывать право, как совокупность норм, которое, видимо, и имел в виду Гумплович; далее Ильин пишет о праве в объективном смысле как совокупности норм, которое может рассматриваться с позиции силы.

Анализируя позицию Ильина по вопросу сравнения силы и права, следует обратить внимание на то, в каком смысле должно рассматриваться право⁴⁷. Оно может быть совокупностью норм и наукой. Что может быть общего у права и силы? То, что они могут оказывать принуждающее воздействие. Наука такого воздействия не оказывает. Только право, образующее совокупность норм, может принуждать, даже если оно применяется в виде добровольного направления реализации ответственности, которая предусмотрена его нормами, не говоря о государственно-принудительном направлении. Если силу рассматривать как власть государства над проживающим в нем населением, которое в случае необходимости принимает законы в виде норм права, в этом случае можно говорить о том, что сила в таком виде порождает право. Кроме того, совершение преступлений с применением силы обязывает принятие государственными органами норм, предусматривающих уголовную ответственность за их совершение, как крайнего, субсидиарного средства восстановления социальной справедливости. В случаях необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление,

⁴⁴ Там же. С. 16, 17.

⁴⁵ Л. Гумплович (1838–1909) — австрийский социолог и правовед. Объяснял общественные явления с позиций социал-дарвинизма. Государство считал институтом насилия меньшинства над большинством, инструментом принуждения. Не отрицая, что оно должно в известной мере покровительствовать своим членам, наделяя их некоторыми основными социальными благами, отрицал теорию правового государства, считая ошибочными ее принципы свободы и равенства. См.: Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.

⁴⁶ Ильин И.А. Нравственная философия. С. 31.

⁴⁷ Имея объективное значение и духовный смысл, право по Ильину, относится к тем же «вершинам духа», что и истина, добро, красота и откровение: «В правосознании участвует не только «знание» и «мышление», но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа». Ильин И.А. О сущности правосознания. Собр. соч. в 10 т. Т. 4. С. 230.

т.е. обстоятельств, исключающих преступность деяния, применения смертной казни право может допускать применение силы. А если представить себе абсолютно мирное гражданское общество, в котором не совершается насильственных преступлений (хотя такое маловероятно), то сила не применяется, а право может существовать в виде совокупности норм. В этом и заключается связь силы и права с юридической точки зрения. Из предыдущих рассуждений становится ясной дальнейшая позиция Ильина о соотношении понятий силы и права. Подвергая сомнению точку зрения Р. Иеринга, утверждавшего, что право есть «понятие силы»⁴⁸, он делает вывод: право «только в известных рядах может рассматриваться как сила»; не любая норма права обладает признаком «принуждения», так как он характерен только для «санкционирующей нормы»⁴⁹.

«Влечет ли за собой всякая «правовая норма» как таковая проявление и действие социально-принудительного аппарата, или не влечет, есть вопрос, который может быть решен только описанием и типизацией реального процесса — индивидуального или социального переживания права. Принуждение в этом смысле есть момент реального воплощения, реального действия права; оно предполагает, что само право перешло в состояние реальности, что оно реально действует, что оно — сила»⁵⁰.

Рассматривая принуждение, которое всегда ограничивает свободу личности, в контексте взаимосвязи и взаимообусловленности таких понятий, как возможность и действительность, свобода и необходимость, свобода воли, современные исследователи полагают, что оно, как общественно опасное деяние представляет собой часто используемый, но неудачный с точки зрения теории уголовного права прием законодательной техники; это не более чем способ совершения преступления, заключающийся в подкреплении адресованного к потерпевшему лицу требования совершить те или иные действия, являющиеся в свою очередь, общественно опасным деянием⁵¹.

Сравнивая понятия «принуждение» и «насилие», философ обращается к анализу *общего, родового*, по его мнению, для них понятия — «заставления», как «наложение воли на внутренний или внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному приятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность» (курсив И. Ильина)⁵².

Заставление подразделяется на два вида — самозаставление и заставление других. Так как они могут выражаться в непосредственном воздействии на мотивы поведения

⁴⁸ Р. Иеринг (1818–1892) — немецкий правовед; по его мнению, право есть защищенный законом интерес. Государство и право необходимо дополняют друг друга: первое выступает внешним механизмом силы, право служит формой использования (действия) этого механизма. Его концепция о рождении права и бытии права в стихии борьбы схожа с принципом борьбы за существование видов в теории Ч. Дарвина. См.: *Иеринг Р. Избранные труды: В 2 т.* СПб., 2006.

⁴⁹ *Ильин И.А. Нравственная философия.* С. 31. Иллюстрируя состояние реальности уголовного закона, современные криминалисты в зависимости от источника выделяют три вида принуждения: принуждение в содержании общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ, и противопоставляемое свободе воли субъектов уголовного права («криминальное принуждение»); принуждение обстоятельствами, исключающими преступность деяния (непреодолимая сила) («некриминальное» принуждение); уголовно-правовое принуждение, исходящее от государства как последствие совершения общественно-опасного деяния, т.е. как способ внешнего воздействия на отклоняющееся поведение (или «посткриминальное» принуждение). *Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис... д.ю.н.* Курск, 2015. С. 26.

⁵⁰ *Ильин И.А. Нравственная философия.* С. 32.

⁵¹ *Шевелева С.В. Указ. соч.* С. 29.

⁵² *Ильин И.А. О сопротивлении злу силою.* С. 395.

(приказ, запрет, угроза, бойкот) и на человеческое тело (толчок, удар, связывание, запыриание, убийство), то Ильин различает психическое и физическое заставление. Когда человек внутренне заставляя себя, понуждает к каким-либо усилиям, такое душевное состояние он назвал самопонуждением; *физическое самозаставление* обычно бывает сопряжено с психическим, т.к. человек «усиливается душевно, чтобы принудительно вызвать в себе известные телесные состояния... Такое состояние можно обозначить термином *самопринуждение*. Заставлять других возможно также в психическом и в физическом порядке»⁵³.

Философ выделяет виды психического заставления — приказ и запрет, «обращающийся к волевой энергии духа», подкрепляющая их, психическая изоляция (разрыв отношений, исключение из клуба) и угроза любого характера. Их сущность заключается в «душевном давлении на волю человека», которое должно побудить его собственную волю к «известному решению», «видоизменить мотивационный процесс в душе заставляемого». Такое «психическое заставление стремится, не стесняя внешнюю свободу заставляемого, побудить его к тому, чтобы он *сам* решил сделать что-то и не делать чего-то. Такое воздействие побуждает и *понуждает* человека, подходя к нему «извне», обращаясь к его душе и духу, поэтому можно условиться называть его *психическим понуждением*».

Ильин подчеркивает, что при физическом воздействии на других возникают «неизбежные психические последствия для заставляемого — начиная от неприятного ощущения (при толчке) и чувства боли (при пытке) и кончая невозможностью делать что угодно (при заключении в тюрьме) и неспособностью желать или делать что бы то ни было (при смертной казни)». При этом происходит подавление воли, отсутствует выбор поведения по своему усмотрению: человек, физически понуждаемый другим, имеет всего два исхода, избавляющие его от этого внешнего напора: *лицемерие и смерть*. Первую ситуацию философ предлагает называть не *физическим принуждением*, а *физическим понуждением*; от такого лица могут требовать совершения действия и путем «*физического понуждения*», так и бездействия, путем «*физического пресечения*»⁵⁴.

Еще в те времена Ильин писал: «...было бы глубокой духовной ошибкой приравнять всякое *заставление* — *насилию*... В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; «насильник» есть человек, преступающий рамки дозволенного, нападающий, притесняющий, — угнетатель и злодей. Против «насилия» надо протестовать, с ним надлежит бороться... Доказывать «допустимость» или «правомерность» насилия — значит доказывать «допустимость недопустимого» или «правомерность неправомерного» ... Именно поэтому будет целесообразно сохранить термин «насилия» для обозначения всех случаев *предосудительного заставления*, исходящего из злой души или направляющего на зло; и установить другие термины для обозначения непредосудительного заставления, исходящего от доброжелательной души или понуждающего ко благу... и только тогда, сквозь прояснившуюся терминологию впервые обнаружится самая проблема *непредосудительного заставления* и его разновидностей»⁵⁵ — психического понуждения, физического понуждения и пресечения.

⁵³ Там же. С. 396.

⁵⁴ Там же. С. 397.

⁵⁵ Там же. С. 399. В работах современных криминалистов можно встретить уравнивание этих понятий: «Сущность же насилия ... связана с его объективными признаками — в частности, с заставлением лица совершить какое-либо действие либо отказаться от этого. Здесь четко выделяется идентичность

Из этих посылов Ильин подверг критике позицию Толстого и его школы, полагая, что «они не только *называют* всякое заставление — насилием, но и *отвергают* всякое *внешнее понуждение* и *пресечение* как *насилие*... термины «насилия» и «зла» употребляются ими как равнозначные настолько, что самая проблема непротивления «злу насилием» формулируется иногда, как проблема непротивления «злу злом» или воздаяния «злом за зло», именно поэтому насилие иногда приравнивается «сатане», а пользование им описывается как путь «дьявола». Он явно не соглашается с писателем в том смысле, что «победивший силою всегда и неизменно неправ, ибо «истина» и «Бог» всегда в «побежденном»»⁵⁶.

Обосновывая сделанный вывод, Ильин разъясняет понятия «самопонуждения» и «самопринуждения», которые являются видами психического заставления. Если человек заставляяет себя совершать действия интеллектуального характера, он их относит к самопонуждению, а физического характера — к самопринуждению; заставляя и понуждая себя можно не только к благу, но и ко злу. «Все люди непрерывно воспитывают друг друга... не только деланием — уверенными ответными поступками, но и *неделанием* — вялым, уклончивым, безвольным отсутствием ответного поступка... уклонение от энергичного, определенно-порицающего поступка может быть равносильно *попущению, потаканию, соучастию*... *воля к чужому волеию помогает безвольному осуществить волевой акт*»⁵⁷. Самопонуждение и самопринуждение ко злу он называет «самонасилием», которое «всегда будет равноопасно и равноценно духовному самопредательству».

Философ предлагает применять к лицам, еще не окрепшим во зле, для укрепления и исправления их духовного самозаставления общественно организованное психическое понуждение, которое может осуществиться в виде правовых и государственных законов, являющихся «формулами зрелого правосознания». Он пишет, что «правовой закон отнюдь не насилует человека, не попирает его достоинства и не отменяет его духовного самоуправления; напротив, он только и живет, только и действует, только и совершенствуется от свободного личного приятия и самовменения... при этом властно понуждает психику человека». Если же человек не подчиняется такому психическому понуждению «и понуждаемый все-таки предпочитает не «усматривать» и не подвергать себя необходимому самопринуждению», то возможны для него два исхода: «или предоставить ему свободу произвола и злодения... или обратиться к физическому воздействию...» и ставит два вопроса: «...может быть, это и значит воспротивиться «злу

принуждения и насилия как способов преступления. Другими словами, и принуждение, и насилие имеют одинаковую объективную сторону — представленные заставляющим воздействием на человека». См.: Шестаков А.Л. Сущность и место принуждения в системе способов совершения преступлений против правосудия // Российский судья. 2010. № 1. С. 24.

⁵⁶ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 400. Согласимся с тем, что в формуле «непротивление злу насилием» неверно делать ударение на слове «непротивление». Мысль Толстого будет понята лучше, если сделать акцент на слове «насилием». Противиться злу можно и нужно, только не насилием, а другими — ненасильственными — методами. Подробнее см.: Гусейнов А.А. Великие моралисты... С. 216–219.

⁵⁷ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 407. Основываясь на данной аргументации, уместно диспозицию ч.1 ст. 150 Уголовного кодекса после слов «путем обещаний, обмана» дополнить словами «*попущения, потакания*»; корреспондирующие им разъяснения дать в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда России от 01.02.2011 № 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

злом»? Может быть, не психическое понуждение, а *физическое* понуждение и пресечение есть сущее зло и путь дьявола?»⁵⁸.

Рассмотрев психическое заставляющее понуждение, И. Ильин анализирует его «последнюю и *крайнюю стадию*» — физическое понуждение и пресечение. Он пишет: «Всякое преднамеренное физическое воздействие на другого есть, конечно, проявление волевого усилия и волевого действия». В связи с данным выводом, продолжая тему соотношения добра и зла, философ считает, что не любое физическое понуждение является злом: «Физическое заставление было бы проявлением зла, если бы оно, по самому существу своему, было *противодуховно* и *противолюбовно*»⁵⁹. Если же оно направлено на предотвращение какого-либо вреда или общественно-опасных последствий, оно является добром, если же на причинение вреда — злом. Поэтому Ильин делает вывод, «что вопрос о нравственной ценности внешнего физического заставления зависит не от «внешней телесности» воздействия (воздействие на тело) и не от «волевой преднамеренности» поступка, а от состояния души и духа физически воздействующего человека»⁶⁰.

Философ ограничивает физическое понуждение от насилия, утверждая, что «физическое понуждение было бы *противолюбовно*, если бы заменяло, подавляло или полагало конец приемлющему единению людей, проявляя злобную вражду к понуждаемому, или понуждая его самого к злобной вражде, или призывая всех остальных людей ненавидеть понуждаемого или друг друга. Но все это относится только к особым, специфически дурным способам понуждения и пресечения, которые именно в силу этого приближаются к *насилию* и подлежат отвержению (грубое, оскорбительное обращение с заключенными; телесные наказания; лишение их всякого проявления любви — свиданий, передач, чтения, богослужения, духовника; снабжение их исключительно человеконенавистнической литературой и т.п.)»⁶¹.

В физическом понуждении и пресечении как *способе воздействия* Ильин выделяет три момента, которые могут казаться *противодуховными* и *противолюбовными*: во-первых, обращение к человеческой воле как таковой, *по мимо очевидности и любви*; во-вторых, воздействие на *чужую волю независимо от ее согласия* и, может быть, даже вопреки ее согласию; и, в-третьих, воздействие на чужую волю *через тело* понуждаемого. При этом он отмечает, что физическое понуждение и пресечение, которые могут применяться к человеку из добрых побуждений, отличаются от насилия тем, что «оно может быть и должно быть *непротиводуховным* и *непротиволюбным*». Исходя из этих утверждений философ, критикуя великого писателя, заключает: «...Благоговейный трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим, противоестествен: это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие. Этот трепет, скрывающийся каким-то психозом здоровый и верный порыв духа, ведет человека под флагом «непротивления злу насилием» к полному несопротивлению злу, т.е. духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению; если пресекается причинение любого вреда, не является «это изменою Божьему делу на земле»⁶².

Логичен вывод, к которому приходит философ: «Не всякое применение силы к «не-согласному» есть насилие... человек, *творящий понуждение или пресечение от лица*

⁵⁸ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 403–404, 409, 410.

⁵⁹ Там же. С. 413.

⁶⁰ Там же. С. 412–413.

⁶¹ Там же. С. 414.

⁶² Там же. С. 416–417, 421–422.

духа... не делает его жертвой своего произвола», сравнивая лицо, осуществляющее понуждение и пресечение с насильником, который «...нападает; пресекающий отражает. Насильник требует покорности себе самому; понудитель требует повиновения духу и его законам... пресекающий движим не злобою и не жадностью, а справедливым предметным гневом», называя при этом и общие черты сходства насильника и пресекающего — «не уговаривают и не ласкают; оба воздействуют на человека вопреки его «согласию»; оба не останавливаются перед воздействием на его внешний состав»⁶³.

Таким образом, Ильин сформулировал позицию, которая не во всех вопросах согласуется с мнением других ученых, разделив физическое понуждение, насилие и зло, считая, что любое воздействие на человека, причиняющее ему вред, является злым насилием. Если оно «не противодуховно и не противолюбовно», а можно еще добавить — и не противоправно, например, применение наказания к лицу, совершившему преступление, которое направлено на его исправление, то оно является не насилием, а понуждением.

Рамки отдельной статьи не позволяют в полном объеме прикоснуться к научно-мировоззренческим взглядами И.А. Ильина; авторы льстят себя надеждой, с учетом доброжелательной критики и пожеланий, возвратиться к неиссякаемому источнику знаний, идей, которым является научное наследие известного юриста и философа.

Библиография

- Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М.: ВНИИ МВД России, 2001. 247 с.
- Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право. 2014. № 5. С. 13–15.
- Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание: Учебно-методическое издание. Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС, 2009. 320 с.
- Бриллиантов А. Насилие и угроза применения насилия при совершении изнасилования // Уголовное право. 2014. № 5. С. 35–38.
- Верховенство права как фактор экономики / под ред. Е.В. Новиковой и др. М.: Мысль, 2017. 673 с.
- Гертель Е.В. Соотношение понятий «насилие» и «принуждение» // Российский следователь. 2010. № 17. С. 19–20.
- Голубов И.И. Виды насилия в преступлениях против правосудия: классификация, понятие и квалификация // Российский следователь. 2012. № 24. С. 36–39.
- Голубов И.И. Юридическая оценка применения насилия при совершении преступлений против правосудия // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 35–38.
- Зажицкий В.И. Встречи оперативного сотрудника с подозреваемым: какими они должны быть? // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 34–38.
- Кузьмина А.В. Категория «интерес» в правовых воззрениях И.А. Ильина // История государства и права. 2011. № 9. С. 38–42.
- Мир, любовь и свобода: как жить без войн / под ред. Т. Пальмера. М.: Социум, 2015. 320 с.
- Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / ред. С.Я. Левит. М., РОССПЭН, 2010. 567 с.
- Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск: УлГУ, 2005. 193 с.
- Тимофеев М.С. Идеи И.А. Ильина о сильном государстве // История государства и права. 2013. № 22. С. 28–31.
- Шестаков А.П. Сущность и место принуждения в системе способов совершения преступлений против правосудия // Российский судья. 2010. № 1. С. 23–25.

⁶³ Ильин И.А. Указ соч. С. 422, 423.

I.A. Ilyin on Violence and Different Forms of Forced Exposure

Fyodor Grebenkin

Professor, Department of Criminal Law, Vyatka State University, Candidate of Juridical Sciences. Address: 36 Moskovskaya Str., Kirov 610000, Russian Federation. E-mail: grebenkin-fb@yandex.ru

Leonid K. Savyuk

Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia

Abstract

The article reflects the topicality of the research and the history of the problem of origin and existence of violence in human society and its consequences as violence is considered to be one of the most acute ills in the world and remains one of the most dangerous phenomena against society, the scope of which cannot be measured or evaluated. Hence, the paper justifies the necessity to study the ideas of the Russian philosopher Ivan Ilyin' on this issue and examines his works on the causes and origin of the concept of violence, the balance between law and force and other forms of forced exposure: forcing, coercion, suppression and compulsion, and their delimitation; and refuting the position of Lev Tolstoy and his proponents on nonresistance to evil by force. Unfortunately, the academic legacy of Ilyin, whose ideas on the issues remain relevant in modern Russia, are frequently neglected in the works of criminal science researchers. The paper presents philosopher's opinions in particular competition and inward impulses, which is in line with the current criminal law theory. The article concludes that Ilyin expressed his view, not coinciding with the views of other scientists, as he separated physical coercion, violence and evil, believing that any human exposure causing harm is evil violence. However, if it is not illegal, it is not violence and it is necessary to refer it to other forms of forced exposure. Besides, the article presents Ilyin's criticism of the non-resistance theory, victory of the good over the evil. The limits of the paper do not enable to cover all Ilyin's philosophical views but the authors hope that after considering constructive criticism and recommendations they will return to the plentiful source of knowledge, and ideas represented by the legacy of the Russian lawyer and philosopher.

Keywords

Ilyin Ivan Alexandrovich, violence; law and force; forcing; coercion; suppression; compulsion, preclusion.

Citation: Grebenkin F.B., Savyuk L.K. (2017) I.A. Ilyin on Violence and Different Forms of Forced Exposure. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 30–47 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.30.47

References

- Antonyan Yu. M. (2001) *Nasilie. Chelovek. Obshchestvo* [Violence. Person. Society]. Moscow: MVD Rossii, 247 p. (in Russian)
- Afnas'eva O. (2014) Ponyatie i sodержanie kriminal'nogo nasiliya [Concept and Content of Criminal Violence]. *Ugolovnoe pravo*, no. 5, pp. 13–15.
- Boyko A.I. (2009) *Yazyk ugolovnogo zakona i ego ponimanie: Uchebno-metodicheskoe izdanie* [Language of Criminal Law and its Comprehension]. Rostov-na-Donu: SKAGS Press, 320 p. (in Russian)
- Brilliantov A. (2014) Nasilie i ugroza primeneniya nasiliya pri sovershenii znasilovaniya [Violence and Threat of Violence in Rape]. *Ugolovnoe pravo*, no. 5, pp. 35–38.
- Gertel' E.V. (2010) Sootnoshenie ponyatiy «nasilie» i «prinuzhdenie» [Concepts of Violence and Coercion]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 17, pp. 19–20.
- Golubov I.I. (2012) Vidy nasiliya v prestupleniyakh protiv pravosudiya: klassifikatsiya, ponyatie i kvalifikatsiya [Violence in Crimes against justice: Classification, Concept, Qualification]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 24, pp. 36–39.

- Golubov I.I. (2015) Yuridicheskaya otsenka primeneniya nasiliya pri sovershenii prestupleniy protiv pravosudiya [Legal Assessment of Applying Violence in the Crimes against Justice]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 1, pp. 35–38.
- Kuz'mina A.V. (2011) Kategoriya «interesa» v pravovykh vozzreniyakh I.A. Il'ina [Category of Interest in Ilyin's Legal Views]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 9, pp. 38–42.
- Levit S.Ya. (ed.) (2010) *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriey poznaniya i kritikoy kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: between Epistemology and Criticism of Culture]. Moscow: ROSSPEN, 567 p. (in Russian)
- Novikova E.V. et al. (2017) *Verkhovinstvo prava kak faktor ekonomiki* [Rule of Law as an Economic Factor]. Moscow: Mysl', 673 p. (in Russian)
- Palmer T. (2015) *Mir, lyubov' i svoboda: kak zhit' bez voyn* [Peace, Love and Liberty]. Moscow: Sotsium, 320 p. (in Russian)
- Pycheva O.V. (2005) *Germenevtika ugovornogo zakona* [Hermeneutics of Criminal Law]. Ul'yanovsk: University, 193 p. (in Russian)
- Shestakov A.L. (2010) Sushchnost' i mesto prinuzhdeniya v sisteme sposobov soversheniya prestupleniy protiv pravosudiya [Nature and location of coercion among modus operandi against justice]. *Rossiyskiy sud'ya*, no. 1, pp. 23–25.
- Timofeev M.S. (2013) Idei I.A. Il'ina o sil'nom gosudarstve [Ilyin's Ideas about Strong State]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 22, pp. 28–31.
- Zazhitskiy V.I. (2015) Vstrechi operativnogo sotrudnika s podozrevaemym: kakimi oni dolzhny byt'? [Arranging Appointments between Investigator and Suspect]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 1, pp. 34–38.